

Василий Путённый

Сердце любимой

Рассказы

Василий Васильевич Путённый

Сердце любимой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28955400

SelfPub; 2018

Аннотация

Вторую книгу рассказов представляю читательской аудитории. Продолжение трилогии-камасутры, где будет драма, трагедия, любовь, измена, секс и, конечно, юмор. Доброго пути, мой читатель! Путешествуй из рассказа в рассказ. Учись жить и учи своим примером других.

СЕРДЦЕ ЛЮБИМОЙ

Сборник рассказов

Василий Путённый

Киев

Контактные данные:

Василий Васильевич Путённый

Email: vasiliyputenny@gmail.com

Тел.: 044 512 38 36

050 659 73 35

ВАЛЕНЬКА

Это было как будто давно и совсем недавно. Проводя бессонные ночи над созданием романа, я вдруг ощутил коварно-жестокую депрессию и апатию к жизни. Увидев меня психиатр, нежно положив длань на мое плечо, ласково произнес:

– Батенька, вам немедленно нужно лечиться! Здоровье прежде всего! Романы подождут.

Через полчаса езды троллейбус, скрипнув тормозами, остановился. Я вышел. На высоком холме увидел красно-угрюмый дом с зарешенными окнами. Меня охватил холодный, глухой страх. Тяжко взбирался на холм по лестнице,

словно на Голгофу. Навстречу шли бледно-желтые, худые, ко всему равнодушные люди. Одни из них ругали пепельное небо, другие шагали молча и конвульсивно вздергивали головами. Молодая нянечка говорила что-то ласковое небритому старику, то и дело пытавшемуся сделать гимнастическую ласточку.

"Что привело этих несчастных сюда? – провожал я их взглядом. -Что? Измена ли близкого человека или непосильный умственный труд, неосуществимые мечты или неудача на работе?"

Пятнадцатое отделение было старое, темное, неудобное. Глядя на старые стены в небольших палатах, думалось, что здесь когда-то размещались монашьи кельи и их трапезные.

Приземистое здание, которое могло бы простоять не один десяток лет, стеснительно взирало на новые белостенные корпуса, словно говорившие: "Снести бы тебя, малявка! Не вписываешься в архитектурный ансамбль!" А скромный бюст Павлова с трещинками на белой табличке тихо вторил: "Это верно. А меня пора уж реставрировать. Или, может, мужи искусства изваяют что-нибудь монументальное?"

Всего в отделении семь палат, из которых одна – для участников и ветеранов войны.

В одном конце узкого коридора – ординаторская и манипуляционная, в другом – телевизор в деревянном ящике с висячим замком.

Вдоль стен – кровати, на которых пододеяльниковые рты

иронично кричат: "Койкодень! Койкодень!.."

* * *

Я стянул с себя спортивный костюм, повесил на вешалку. Вода из душа вселяла в мышцы бодрость и жизнерадостность, и после обтирания мне казалось, что я стал легче и кандалы стресса исчезли...

Солнце взобралось на небесную верхотуру и, словно постовой, бдительно обозревало прекрасно-необъятный звонкоголосый мир. Облака, похожие на айсберги, таранили друг друга, и ласточки, касаясь крыльями округлых боков плывущих громадин, вероятно, думали, что это пух птиц.

Во дворе играли в домино, кто-то вполруки брэнчал на гитаре. В пищеблок прошли женщины с ведрами. Глаза у них – понуро-печальные. Среди идущих я увидел ее, единственную, сердце которой стучало именно мне позывные азбукой Морзе. Скорбная печаль ее души половодьем хлынула на меня, затапливая мою захлебнувшуюся от сочувствия душу.

Я приблизился. Волнуясь, взял ведро. Мы шли молча, чувствуя и понимая друг друга, – узники скорби и грусти.

– Тю, это ж надо – а у Вальки, гляди, уже жених, – заехидствовала не без зависти одна из компании.

Мы подошли к отделению, и Валенька, стеснительно посмотрев на меня моргающими глазами, вздохнула:

– Спасибо вам... Извините меня, будьте добры...

Ночью я не спал. Лежал и думал о Валеньке. Как кадры,

мелькали в сознании сцены: вот ее выталкивают из очереди, оскорбляя – рты, как удавы пасти. А вот: свинцовоголовый хам оскорбляет ее, она молчит, раненая в сердце. Парализованная несправедливостью, глядя незлобно, всепрощающе.

Так как мне, мастеру на все руки (в отделении я чинил все) разрешалось свободно ходить по территории больницы и за ее пределами, я утром отправлялся на базар, покупал белые гвоздики и потом дарил их стесняющейся, опускающей свой взгляд Валеньке

* * *

В роще гундосила горлица, словно прощаясь с нами. Я держал Валеньку под руку... даже дышал тихо, боясь испугнуть приятно-целебное для ее души ощущение. В межтравье, шурша лопухом и папоротником пробежала белка-рыжуха... быстро вскарабкалась по стволу на верхушку сосны.

– Валенька, – лились из сердца слова, – хорошая ты моя!.. Мне с тобой так хорошо, словно мы с тобой брат и сестра!..

– Ты меня будешь любить крепко-крепко, навсегда-навсегда?.. – задрожал ее голосок, и она исподлобья, по-детски наивно, глянула на меня: на глазах без слез – слеза.

Затаив дыхание, я едва прикоснулся к ее нежно-теплой щеке. Валенька, приподнявшись на цыпочках, чуть качаясь, тоже поцеловала меня в щечку. Я взял ее, хрупкую, нежную, стройненькую, на руки и понес под вдохновенную песню соловья, а она, прижавшись ко мне головой, шептала.

– Ты хороший...Ты очень хороший... Я всегда буду помнить тебя...

Ночью опять не хотел заснуть. Вопрос за вопросом мучили меня, картины – одна ужаснее другой – терзали мою душу.

" Кто жестоко обидел это божественное, незащищенное создание? У нее взгляд затравленного зайца! Может, смерть близкого человека психически надломил ее?.."

Кто-то вошел в палату.

– Сань, ты мне очень нужен, – узнал я голос медсестры Веры.

Мы пошли к кабинету заведующего. Вера открыла дверь: не зажигая свет, подошла к кожаному дивану.

– Да иди же сюда! Чего стоишь? Смотри, какая чертовщина.

Она пылко обвила руками мою шею, мощно потянула на себя, чтобы упали на диван. Не выдержав "натиска", я свалился на голое, с раздвинутыми ногами тело. Ее правая рука, мгновенно проникнув под пижамные штаны, схватила фэйс, жадно мастурбируя его. Ловким движением я опрокинулся на пол, встал и пошел к выходу.

– Ну и падла же ты! – зашипела Верка. – Завтра же, курвячий потрох, не будешь лазить со своей лахудрой по рощам! И спецключ у тебя, мразюка, отберут!..

* * *

Оказывается, Валенька жила недалеко от больницы, почти рядом. У нее как у больной с легким диагнозом тоже был вольный выход: главное, вовремя прийти в отделение к обеду или ужину.

Валенька была сегодня слегка веселая и даже пахла простенькими духами. Она предложила пойти в Кирилловскую церковь, но не с территории больницы, а с улицы.

Вот зигзагообразная лестница, "петербургские" фонари. В церкви тихо, светло, прохладно. На длинных стойках горят электрические лампы. Аннотированные таблички на ножках – как пюпитры. Некоторые мраморные плиты под ногами уныло вздыхают, вспоминая тех, кто здесь когда-то ходил, и одновременно отсчитывают время столетий. Возле крестообразных столбов – стулья. Мы с Валенькой всматриваемся, как бы вслушиваемся во фрески, словно разговариваем с дальними-далекими предками. Эти говорящие, живые стены, впитавшие в себя жизнь, чувства и мысли веков, удивляют, поражают, заставляют задуматься о настоящем, прошедшем, будущем. И наше благоговение они тоже слышат и неторопливо впитывают в святые поры своей твердой плоти – вот почему здесь такая целебная аура. Святые лики укоризненно смотрят со стен, словно спрашивают: не согрешил ли? Благоговейная тишина церкви и эти строгие, провидческие взгляды как бы очищают и мысли, и душу человеческую.

Я чувствовал: стоя перед иконами, мы духовно причащались, исповедовались, каялись.

Мы пришли к Валеньке. И, словно ждали этого всю жизнь, разделись друг перед другом.

Она дрожала, как от холода, чего-то очень страшась. Я взял ее на руки, положил на кровать – она дрожала пуще прежнего.

– Миленький, не делай мне больно – я очень боюсь. Я поцеловал ее молодые красивые ноги, пахнущие сексом, клитор и половые губы, и она, улыбаясь и страстно дыша, ласкала мою голову. Я целовал и ласкал Валеньку, как будто извиняясь за ложь всех тех, кто обманул ее. Нежно волшебствовал "чародеем", чувствуя, как сладко оргазмирует ее матка...

Через девять месяцев у нас с Валенькой родилась дочка – наша Светочка!

РИДНА МАТЫ МОЯ

Комнатка маленькая, уютно обставленная, и когда в нее проникает солнечный свет, в душе песенно мелодирует радость. Пичуги за окном перекликаются, как бы подпевая радости, листва, шелестя, аплодирует утренней песне. Здесь, на первом этаже, живут Надежда Николаевна и Танечка, мать с дочерью.

У белокурой Танюши, которая словно пришла к нам из сказки, отца нет. Таня помнит ужасные, гнетущие дни, когда отец приходил вдрызг пьяный и устраивал скандалы. Мать сидела неподвижно, боясь взглянуть на обезумевшего мужа;

ей казалось, если она сейчас не будет его смиренно слушать, встанет и уйдет на кухню – оногреет ее чем попадя. Девочка цепенела от страха, все ее естество было парализовано. Но все же однажды гнев с жалостью хлынули наружу по-детски отчаянно: "Папочка, – упала она на колени, – не издевайся и не мучай маму!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.